

УДК 343.133

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОБВИНЕНИЕ ДВИЖУЩЕЙ СИЛОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА?**

Максим Владимирович Лапатников

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, maks4@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу обвинения как движущей силы уголовного процесса России. Большинство ученых, которые исследовали или затрагивали проблематику обвинения, говоря о его предназначении, определяют его как движущую силу, двигатель, мотор отечественного уголовного судопроизводства. В данной статье автор предпринял попытку разобраться с тем, насколько эти оценки отражают реальное предназначение обвинения. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что, оставаясь одной из системообразующих категорий уголовного процесса, обвинение не выступает в нем движущей силой, тем, что двигает уголовное судопроизводство, по крайней мере большую его часть, тем, что и запускает процесс, и само по себе лежит в основе досудебного и судебного производства. В пользу этого вывода автор приводит аргумент: фактически при принятии итогового решения по уголовному делу ни суд первой инстанции, ни вышестоящие суды не связаны позицией государственного обвинителя по отказу от обвинения, а сам отказ не является для суда обязательным. Этот аргумент носит дискуссионный характер и не согласуется с ч. 7 ст. 245 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что может свидетельствовать о необходимости пересмотра устоявшихся взглядов на данное явление.

Ключевые слова: обвинение, движущая сила, прокурор, отказ от обвинения, уголовный процесс

Для цитирования: Лапатников М. В. Является ли обвинение движущей силой отечественного уголовного процесса? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 147—154.

**IS THE ACCUSATION A MOTIVE FORCE
OF THE DOMESTIC CRIMINAL PROCESS?**

Maxim Vladimirovich Lapatnikov

Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia, maks4@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the accusation as the motive force for the criminal process in Russia. Speaking of its purpose most scientists who researched or touched on the problem of the accusation define it as a motive force, engine of the Russian criminal proceedings. Based on their points of view the author makes an attempt to clarify the real purpose of the accusation in this article. As a result of his examination, he concludes that being one of the system-forming categories of the criminal process, the accusation does not act as a motive force in it. It isn't the force to develop the criminal proceedings, at least, its largest part, to run (trigger off) the process and to be the basis of pre-trial and court proceedings itself. To support this conclusion the author demonstrates an argument that, in fact, when making a final decision in the criminal case, neither court of the first instance, nor the higher courts are tied by the position of the state prosecutor to refuse the accusation. As well as the refusal itself is not mandatory for the court. This argument is discussable and not coordinated with Part 7 of Art. 245 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, that may indicate the necessity to revise the established views on this phenomenon.

Keywords: accusation, motive force, prosecutor, refusal of the accusation, criminal process

For citation: Lapatnikov M. V. Is the accusation a motive force of the domestic criminal process? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 147—154, 2025. (In Russ.).

Обвинение (как обвинительный тезис) есть одна из старейших и системообразующих категорий уголовного судопроизводства почти любой страны, независимо от исторической эпохи и модели конкретной уголовно-процессуальной системы. Как правило, авторы большинства научных источников, исследовавшие или затрагивавшие проблематику обвинения, определяют его как движущую силу, двигатель, мотор отечественного уголовного судопроизводства. Как писал В. М. Савицкий, «исследовать обвинение — значит исследовать пусковой механизм уголовного процесса» [1, с. 5], а по мнению М. С. Строговича, обвинение есть «двигатель уголовного процесса», его движущая сила [2, с. 30]. Обвинение сравнивали с пружиной, которая обуславливает развитие всего уголовного процесса [3], с двигателем уголовно-процессуальной деятельности, называли его движущим началом процессуальной деятельности, настаивая на том, что от того, кем, в каком порядке выдвинуто обвинение и как оно поддерживается в судебных стадиях, зависит судьба всего процесса [4] и т. д. В данной статье мы попробуем разобраться с тем, насколько эти оценочные характеристики обвинения отражают реальное положение рассматриваемого института в уголовном процессе нашей страны.

В первую очередь, как представляется, необходимо разобраться с тем, что именно подразумевали правоведы, когда наделяли обвинение вышеуказанными характеристиками, а также с вопросом о том, когда и при каких условиях обвинение действительно может выступать мотором уголовно-процессуальной деятельности.

И начать здесь следует с тезиса, согласно которому «без уголовного иска, как двигателя процесса, процесс вообще не мыслим, не только в состязательной, но и в розыскной его форме», на этом настаивал видный процессуалист первой половины XX в. Н. Н. Полянский [5, с. 112]. В контексте данного объяснения обвинение занимает примерно одинаковое положение и в состязательном, и в розыском процессе, что, безусловно, только подчеркивает его универсальное значение, его роль как двигателя процесса.

Но дело в том, что, судя по всему, Н. Н. Полянский считал обвинение тем, без чего суд не может приступить к рассмотрению дела. Без обвинения орган, разрешающий дело по существу и в состязательном, и в розыском процессе, не может назначить судебное разбирательство ввиду отсутствия предмета такового. В этом смысле обвинение действительно выступает в качестве системообразующей категории уголовно-процессуальной

деятельности, так как, вне зависимости от типа уголовного процесса, при разрешении основного вопроса уголовного дела (вопроса о преступлении и наказании) суд или иной орган, разрешающий дело по существу, не может обойтись без предъявления уголовно-правовых претензий к конкретному лицу, а сами эти претензии, т. е. сформулированное обвинение, будут главной темой обсуждения в ходе судебного разбирательства. Обвинение здесь действительно обязательный, неотъемлемый этап, без которого не может быть разрешен этот самый главный вопрос процесса, и если оно понимается исключительно в таком контексте, то у нас нет никаких возражений. И его значение тут сложно переоценить.

Однако если понимать термины «двигатель», «движущая сила», «мотор» и др., метафорически описывающие обвинение как то, что двигает уголовное судопроизводство (по крайней мере, большую его часть), как то, что и запускает процесс, и само по себе лежит в основе досудебного и судебного производства, как то, что действительно предопределяет объем, направленность и параметры действий сторон и суда, то представляется, что роль и место обвинения в состязательном и розыском типах уголовного процесса обладают существенными различиями.

Ответ на вопрос об обвинении как движущей силе, если понимать его как утверждение о совершении преступления конкретным лицом, на наш взгляд, должен быть рассмотрен на предмет соответствия критериям, позволяющим квалифицировать обвинение в качестве таковой. Полагаем, что обвинение может быть квалифицировано как движущая сила уголовного процесса, если оно соответствует следующим параметрам (критериям):

1) обвинение должно давать начало (толчок) уголовно-процессуальной деятельности;

2) обуславливать появление сторон процесса, выполняющих соответствующие процессуальные функции;

3) выступать процессуальным решением, определяющим обязанность суда дать ответ на него, так как именно при осуществлении правосудия суд вправе разрешать по существу главный вопрос уголовного процесса;

4) предопределять предмет возможной уголовной ответственности (правило о тождестве уголовного иска). Суд и стороны в таком случае не вправе выйти за пределы обвинения, кроме как в исключительных ситуациях.

Представляется, что только и если обвинение соответствует по крайней мере большинству этих

критериев, можно говорить о нем как о движущей силе, моторе, рычаге или главном нерве отечественного уголовного судопроизводства.

Перейдем к детальному анализу обозначенных выше параметров.

Первый параметр связывает начало полноценной уголовно-процессуальной деятельности с предъявлением обвинения. В российском уголовном процессе признается, что полноценная уголовно-процессуальная деятельность начинается только после возбуждения уголовного дела. С другой стороны, стадия возбуждения уголовного дела также входит в систему стадий уголовного процесса. Но обвинение никак не может выступать толчком к началу ни первой, ни второй стадий уголовного процесса, так как в первом случае в качестве такового выступает сообщение о преступлении, а во втором — процессуальное решение о возбуждении уголовного дела. Обвинение же, как утверждение обвинительной власти, появляется либо вообще на любом этапе предварительного следствия (кроме окончания), либо при составлении обвинительного акта, постановления, если дело расследуется в форме дознания. Здесь обвинение — обязательный этап уголовного досудебного производства, но начинается уголовный процесс задолго до его предъявления.

Второй критерий связывает появление сторон в уголовном процессе с выдвижением обвинения. По идее, при обвинении-моторе представление обвинительного тезиса означало бы завершение этапа уголовного процесса *in rem*, в рамках которого уполномоченные органы государства устанавливают обстоятельства происшедшего события, его криминальную направленность, принимают меры по выявлению и поиску лиц, причастных к его совершению. При установлении наличия оснований для предъявления уголовно-правовых претензий со стороны государства по отношению к конкретному лицу, уполномоченными органами выдвигается обвинение, которое и призвано надлежащим образом оформить указанные претензии. Такой шаг обуславливает появление стороны защиты, обладающей широким комплексом процессуальных возможностей по противодействию обвинительной деятельности в рамках права на защиту, реализацию которого должен обеспечивать независимый от сторон арбитр, в условиях гласного, устного и непосредственного судебного разбирательства.

Таким образом, мы исходим из того, что само понятие «сторона процесса» предполагает наличие у сторон процессуальных возможностей

для состязания друг с другом, в рамках которого эти стороны осуществляют свою деятельность (функции), доказывая и обосновывая перед судом свои правопритязания. Без суда как нейтрального и независимого от сторон арбитра, обеспечивающего реализацию принадлежащих им по закону возможностей процессуального противоборства, нет смысла говорить о сторонах как о субъектах, реализующих принадлежащую им процессуальную функцию.

Присуща ли такая схема отечественному уголовному процессу? На первый взгляд, казалось бы, да, так как закон связывает появление фигуры обвиняемого и наделение его совокупностью принадлежащих ему прав с момента предъявления обвинения следователем. Но это поверхностный взгляд, так как предъявление обвинения следователем не влечет за собой применение арбитражного метода регулирования, не означает предоставление обвиняемому реальных средств процессуального противодействия, ведь осуществление права на защиту обвиняемого практически целиком возлагается на органы предварительного расследования. Появление полноценных процессуальных функций в этом смысле здесь не происходит. Представляется верным в связи с этим утверждение известного советского процессуалиста М. С. Строговича о том, что «обвинение (в материальном смысле), которое присутствует в стадии предварительного следствия как одна из сторон следственной деятельности, еще не создает в процессе обвинения процессуальную сторону, выступающую перед судом, а представляет собою подготовку обвинения, которое прокурор будет поддерживать на суде, если ход предварительного следствия это обвинение подтвердит» [6, с. 123].

Согласно третьему критерию обвинение должно предопределять появление у суда обязанности рассмотреть уголовно-правовой спор по существу, так как именно в суде решается главный вопрос уголовного процесса. В этом контексте обвинение как утверждение о совершении лицом преступления будет только тогда двигать уголовный процесс к своему логическому концу — законному и обоснованному разрешению вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении, когда оно обуславливает появление обязанности у уполномоченного органа дать ответ на этот самый вопрос. Обвинение как движущая сила в данном случае означает, что с его помощью приводится в действие весь уголовно-процессуальный механизм, что процесс во многом благодаря ему достигает своей «терминальной стадии», так как все

дальнейшие этапы, если они и будут, отталкиваются от решения, принятого по итогам рассмотрения обвинения по существу.

Если обратиться прежде всего к так называемому следственному обвинению, т. е. обвинению в порядке гл. 23 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), то оно никоим образом не влечет обязанности суда рассмотреть дело по существу (расследование еще не окончено), а на всем протяжении расследования может изменяться, дополняться, перепредъявляться, а самое главное, такое обвинение еще не ставит основной вопрос уголовного дела, что называется, «на повестку дня», хотя здесь уже происходит привлечение человека к уголовной ответственности. И в связи с этим обвинение, предъявленное в порядке гл. 23 УПК РФ, будучи, безусловно, обязательным и важным этапом предварительного расследования, никоим образом претендовать на роль «обвинения-мотора» не может.

Однако совсем иное положение занимает прокурорское или, как его часто называют, государственное обвинение, т. е. тот обвинительный тезис, который содержится в итоговом акте расследования и становится таковым после его утверждения прокурором. И здесь, казалось бы, обвинение наконец-то становится той самой искомой движущей силой, так как направление дела в суд после утверждения обвинительного заключения, обвинительного акта, постановления само по себе предопределяет возникновение у суда обязанности рассмотреть дело в тех самых пределах, которые в его фактических и юридических признаках определяются указанными актами. И этот документ, вносящийся не просто от имени отдельного государственного чиновника (следователя, дознавателя), а от всего государства в части, относящейся к обвинению, по идее, устанавливает предмет и пределы судебного разбирательства, тем самым выступая в качестве акта государственного обвинения.

И действительно, появление итогового акта предварительного расследования как официального документа, т. е. с момента утверждения прокурором, нормативно обуславливает появление обязанности по направлению дела в суд для разрешения основного вопроса уголовного процесса по существу. В этом смысле можно утверждать, что государственное обвинение в какой-то степени проявляется как пусковая сила, так как без указанных действий суд не вправе (а при их наличии наоборот — обязан) приступить к рассмотрению уголовного дела. Однако при более внимательном

анализе можно увидеть, что обвинение здесь лишь создает движение уголовного дела от одной стадии к другой. Да, это движение напрямую приближает процесс к его кульминации — рассмотрению дела по существу, и в этом смысле его значение сложно переоценить. Однако не следует и переоценивать.

Вопрос о государственном обвинении как о движущей силе далеко не так прост. Будучи действительно обязательным и неотъемлемым этапом развития уголовного процесса в его логическом развертывании с точки зрения постановки и разрешения основного вопроса уголовного дела, тем не менее, как представляется, появление обвинения еще не означает безусловного возникновения у суда обязанности предать обвиняемого суду. Деятельность судьи на стадии подготовки дела к судебному разбирательству связана не только с устранением технических препятствий рассмотрения дела судом на следующей стадии. Закон обязывает по поступившему уголовному делу выяснить основания проведения предварительного слушания, в качестве которых выступает необходимость решения вопроса о возвращении дела прокурору (п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ). А последнее, как известно, возможно не только по формальным основаниям, но и по основаниям, обусловливаемым значительным перечнем нарушений, в том числе касающихся как корректировки юридической квалификации содеянного, так и недостаточности или сомнительности доказательств¹. Причем перечень этих нарушений носит в принципе открытый характер, что дает суду широкие возможности для задействования механизма возвращения уголовного дела прокурору в том числе в тех случаях, когда в суд поступило «слабое» уголовное дело.

Таким образом, формирование государственного обвинения само по себе еще не обязывает суд приступить к рассмотрению дела по существу, так как направление уголовного дела в суд, прежде всего, ставит перед ним вопрос относительно готовности уголовного дела для его последующего судебного рассмотрения в контексте установления наличия / отсутствия существенных нарушений со стороны обвинения. Это предоставляет суду возможность в условиях отсутствия четко опреде-

¹ Несмотря на то что ряд теоретиков и практиков отрицают такую возможность в качестве легального, законного решения, мы все же придерживаемся мнения, что практика более чем допускает такой вариант развития событий.

ленных критериев, по сути, обойти указанную выше обязанность приступить к рассмотрению дела по существу, направив уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, ввиду чего мы вправе утверждать отсутствие безусловной связи между предъявлением государственного обвинения и обязанностью суда дать ответ на это обвинение.

Но как быть с государственным обвинением уже после поступления уголовного дела в суд, когда возможности прокурора по распоряжению обвинением возрастают и он остается, по сути, единственным его распорядителем? Ответ на этот вопрос будет дан нами в контексте обращения к четвертому критерию.

Этот критерий подразумевает, что если обвинение претендует на движущую силу уголовного процесса, то оно должно предопределять как предмет возможной уголовной ответственности, так и ее пределы. И, казалось бы, уж на этапе судебного разбирательства обвинение наконец-то становится тем самым искомым двигателем, мотором, движущей силой процесса. Обращение к тексту закона, пожалуй, только подтверждает его наличие. Статья 252 УПК РФ четко связывает и предмет, и пределы обвинения с тем обвинительным тезисом, который составляет содержание государственного обвинения, а ч. 7 ст. 246 закрепляет обязательность отказа прокурора от обвинения с последующим прекращением уголовного дела.

Но мы считаем, что данный вопрос должен быть рассмотрен на более глубоком уровне, в том числе относительно того, насколько все это соответствует реальной процессуальной действительности.

Для этого необходимо четко определиться с теми признаками, наличие / отсутствие которых будет свидетельствовать о том, насколько в действительности государственное обвинение предопределяет предмет и пределы возможной уголовной ответственности, а следовательно, и может быть обозначено как движущая сила в судебном производстве отечественного уголовного процесса. В качестве таких признаков могут выступать: а) запрет для суда на право выхода за пределы обвинения, кроме как в случае выявления новых или вновь открывшихся обстоятельств; б) правомочие суда возбудить и рассмотреть уголовное дело по новому преступлению, выявленному в ходе судебного разбирательства; в) предопределение отказом прокурора от обвинения итогового решения суда по уголовному делу.

Обратимся к анализу указанных признаков. Сразу начнем со второго, так как его выяснение не требует каких-либо дополнительных изысканий. Действующий закон, в отличие от своего советского предшественника, не предусматривает права суда возбудить уголовное дело в обозначенном случае, допуская лишь выделение соответствующих материалов из рассматриваемого дела с последующим направлением их в органы предварительного расследования для принятия процессуального решения. Соответственно, с этой стороны обвинение действительно ограничивает судебное рассмотрение и определяет действия и решение суда. Однако этого недостаточно для того, чтобы утверждать, что государственное обвинение в суде выступает как движущая сила.

Что касается того, связывает ли обвинение сам суд, рассматривающий дело по существу, то, как известно, суд практически не ограничен в возможности изменения обвинения в сторону улучшения, хотя закон и обязывает его принимать такое решение по результатам исследования доказательств в ходе судебного следствия (ст. 252 УПК РФ).

Но, с другой стороны, и запрет для суда изменять обвинение в худшую для обвиняемого сторону, предусмотренный ст. 252 УПК РФ, в настоящее время не только не является безусловным, но и фактически подрывается крайне широким судебским усмотрением по возвращении уголовного дела прокурору, которое, как сказано выше, распространяется и на случаи с необходимостью вменения более тяжкого обвинения. Суд имеет полное право, а если отталкиваться от логики Конституционного Суда¹ — и обязанность, отреагировать в случае выяснения обстоятельств, указывающих на признаки более тяжкого преступления, по сравнению с квалификацией, обозначенной в обвинительном заключении, акте, задействовав институт возвращения уголовного дела прокурору.

Таким образом, в том, что касается пределов судебного разбирательства, их определяет не обвинение, а формально интересы всестороннего,

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П/2013. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 18.11.2024).

полного и объективного исследования обстоятельств дела, а по сути, публичный интерес.

Третья характеристика отсылает нас к праву прокурора на отказ от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Отказавшись от правила, позволявшего суду продолжить судебное разбирательство при несогласии с позицией прокурора об отказе от обвинения, действовавшего в УПК РСФСР 1960 г., законодатель в УПК РФ установил обязанность суда при таком развитии событий принять решение о прекращении уголовного дела. Подобный исход рассмотрения уголовного дела соответствует известной базовой установке состязательной формы процесса о том, что нет процесса без иска (*neto iudex sine actore* — нет истца, нет и суда).

Мы утверждаем, что в столь жестком варианте оно действовало относительно недолго, и в настоящее время суд практически не связан отказом обвинителя от обвинения. Наше убеждение основывается на том, что указанные правила нужно соотносить с позициями высших судебных инстанций, а здесь все не так однозначно.

Конституционный Суд Российской Федерации еще в 2003 г. предусмотрел ряд ограничительных факторов, позволяющих при необходимости не просто проверить законность и обоснованность такого решения, но и достаточно легко его нейтрализовать. Так, отказ прокурора от обвинения должен быть мотивирован со ссылкой на предусмотренные законом основания, а принятое по его итогу судебное решение может быть обжаловано в вышестоящую инстанцию¹.

Как видим, Конституционный Суд, во-первых, фактически нейтрализовал ч. 9 ст. 246 УПК РФ, отменив запрет на обжалование судебного решения, принятого ввиду отказа прокурора от обвинения, а во-вторых, ввел новое основание пересмотра итогового судебного решения, «сигнализируя» государственному обвинителю о «дамокловом мече», висящем над прокурором, решившимся на такой отказ.

Конечно, здесь можно возразить, что суд все равно будет обязан прекратить уголовное дело,

если прокурор откажется от обвинения, не побоявшись возможного обжалования, но представляется, что это не так. Верховный Суд Российской Федерации хоть и указывает на то, что отказ государственного обвинителя от обвинения предопределяет принятие судом решения, но при этом уточняет, что такое решение суд может принять только «после завершения исследования в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и стороны защиты об обоснованности позиции государственного обвинителя»². Представляется, что здесь высшая судебная инстанция предписывает судам не автоматический порядок принятия итогового решения ввиду отказа прокурора от обвинения, как это формально предусмотрено законом, а жестко связывает его с выполнением определенных процедур.

Если же прокурор все-таки настаивает на своей позиции и суд первой инстанции даст на нее согласие, то и в этом случае такое решение может быть отменено в рамках судебного обжалования. Согласно позиции Конституционного суда, на вышестоящего прокурора возлагается обязанность по исправлению обнаруженных отступлений от требований закона, в том числе незаконное решение об отказе прокурора от обвинения, если при поддержании обвинения в суде не были обеспечены публичные интересы³, а сама позиция прокурора в апелляционной инстанции об отмене приговора и оправдании лица за отсутствием состава преступления не является для суда обязательной и не влечет таких же последствий, как отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции⁴.

² О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.11.2024).

³ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Мамкина Данилы Даниловича и Мамкиной Нины Ивановны на нарушение их конституционных прав частью седьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1744-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.11.2024).

⁴ См.: По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.11.2024).

Все это позволяет нам утверждать, что фактически ни суд первой инстанции при принятии итогового решения по уголовному делу, ни вышестоящие суды не связаны позицией государственного обвинителя, а отказ его от обвинения не является для суда обязательным. Публичный интерес в данном случае имеет приоритет над государственным обвинением.

На основании изложенного приходим к выводу, что обвинение не соответствует ни одному из четырех вышеприведенных критериев, за исключением нескольких частных аспектов, ввиду чего не может выступать в качестве движущей силы российского уголовного процесса.

1. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. Москва: Наука, 1971. 342 с.
2. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 191 с.
3. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Москва: Госюриздат, 1951. 511 с.
4. Власова С. В. Обвинение как главная деталь уголовно-процессуального механизма оказания уголовно-правового воздействия на преступность // Аграрное и земельное право. 2022. № 6 (210). С. 128—130.
5. Полянский Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. Москва: Право и Жизнь, 1927. 127 с.
6. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. Москва: Юриздат, 1939. 152 с.

Лапатников Максим Владимирович,
доцент кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
maks4@mail.ru

1. Savitsky V. M. State charge in court. Moscow: Nauka; 1971: 342. (In Russ.).
2. Strogovich M. S. Criminal prosecution in the Soviet criminal process. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1951: 191. (In Russ.).
3. Cheltsov M. A. Soviet criminal process. Moscow: Gosyurizdat; 1951: 511. (In Russ.).
4. Vlasova S. V. Accusation as the main detail of the criminal procedural mechanism to have a criminal legal impact on crime. Agrarian and land law, 128—130, 2022. (In Russ.).
5. Polyansky N. N. Essays on the general theory of the criminal process. Moscow: Pravo i Zhizn; 1927: 127. (In Russ.).
6. Strogovich M. S. Nature of the Soviet criminal process and the principle of adversarial nature. Moscow: Jurizdat; 1939: 152. (In Russ.).

Lapatnikov Maxim Vladimirovich,
associate professor at the department
of criminal procedure
of the Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
maks4@mail.ru

части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 2800-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.11.2024).

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 03.12.2024; approved after reviewing 10.12.2024; accepted for publication 14.02.2025.

* * *